

«Началось это вскоре после ухода отца и нашего переезда на другую квартиру. Однажды мать меня особенно сильно выпорола проволокой, даже не помню за что. Она тогда несколько месяцев как чумная ходила и злая ужасно — чуть что сразу за ремень.

В ту ночь я и сам на нее ужасно разозлился — выпорола из-за ерунды. Лежу в кровати и реву от обиды. Вдруг, слышу, зовет:

— Валера! Валера!

Я реветь перестал..

— Чего? — говорю.

— Иди сюда, — шепчет. Я вскочил, подошел к ее кровати. Она взяла мою руку, погладила,

— Не сердись, — говорит.

— Буду, — отвечаю, а сам стою как каменный — мне приятно, что она меня просит, а я ее не прощаю.

— Ну, прости, — говорит, а я вижу — у нее слеза блеснула.

А мне и радостно, и так вдруг захотелось свою власть над ней почувствовать...

... Вскоре, перевешивая люстру, я заметил, что она висит на толстом крюке. Мне тут же пришла в голову идея, которую я осуществил той же ночью. Когда мать разделась, чтобы лечь в постель, я подкрался к ней сзади и, скрутив ее руки, связал. Затем, когда она уже не могла сопротивляться, подставил стул, приподнял и повесил на крюк за толстую железную пряжку. Ее ноги немного не доставали пола, и она повисла совсем беспомощная. Она была в трусах, она всегда раздевалась не до конца, видимо, ей доставляло удовольствие, что я ее раздевал сам... Мне это тоже нравилось и поэтому я с удовольствием стянул с нее трусы, однако, не совсем плотные, они обхватили ее колени и дальше не сползали. Такое полураздетое ее положение возбуждало меня больше, чем полная нагота — в этом было что-то унижительное. Я взял ее узкий ремешок и стал стегать ее провисшее тело. Мне доставляло удовольствие наблюдать, как ремень со свистом врежется в ее кожу, как вспухают и наливаются кровью рубцы. Она вскрикивала и подергивалась, а я стегал ее всю, поворачивая вокруг оси — и по спине, и по грудям, и нежным розовым соскам, и кругом между ними, и ей нечем было прикрыться. Наконец, я бросил ремень и, взяв две длинные веревки, привязал их к ее щиколоткам. Затем одну веревку привязал к батарее, а другую — к дверной ручке и затянул, так, что ноги ее оказались широко разведены в разные стороны.

Теперь она была полностью в моей власти, и я мог с ней делать все, что желаю. Я стал щекотать все ее тело, проводил руками между ягодиц и спереди между ног. Нашупал ее бугорок и стал тереть его, при этом присасываясь то к одной груди, то к другой. Я щекотал и тер ей под мышками, целовал внутреннюю сторону коленей. Через некоторое время я заметил, что из нее на пол упало несколько капель влаги, а дыхание стало прерывистым. Тогда я достал свое приспособление, которое накануне изобрел и до этого прятал. В треножник для новогодней елки я вставил толстую длинную витую свечу, толщиной раза в полтора больше члена. Это свое приспособление я поставил под ней. Пришлось его чуть приподнять, чтобы конец свечи доходил до пупка. Затем я, стоя сзади и взяв ее за бедра, приподнял в воздухе и, придерживая спереди за живот, направил свой член ей в заднее отверстие. Свечку придвинул ближе и, нащупав другое отверстие между ее ног, направил в него конец свечи — и разжал

руки. Под собственной тяжестью она медленно, как нож в масло, она села на оба кола, которые заполнили ее всю изнутри. Я нащупал спереди ее живот — он был тугой и раздутый. Снова взяв ее за бедра, я приподнял ее и снова опустил. Она надела на меня и на свечу с глубоким стоном. Я положил руки ей на грудь и стал тискать и мять соски. Так я приподнимал ее, пока она, насаживаясь, опускалась вниз, и ласкал ее груди, клитор-бугорок, который стал огромный, горячий, налитый кровью.

Постепенно у меня не стало хватать терпения ждать, пока она медленно осядет на меня — желание стало неистовым. Я взял ее ягодицы и, раздирая их в разные стороны, впиваясь ногтями, стал тянуть их на себя, чтобы она опускалась скорее. Так она прыгала в воздухе, извиваясь и раскачиваясь, пока наслаждение мое не достигло вершины. Крепко схватив ее груди и переступая ногами, я стал двигать ее уже не вверх-вниз, а вперед-назад, насаживая ее на себя горизонтально. Треножник со свечкой под ней мотался туда-сюда, и свеча, загнанная глубоко внутрь, упиралась то ей в живот, то в мой входящий член. Мать рыдала от страсти и бешено дергалась, ее волосы растрепались, прилипли к потным плечам, из-под мышек сбегали по бокам ручейки, а под тонкой кожей спины ходили мускулы и лопатки. Она откидывала голову то вперед, то назад, изгибаясь, то выпячивая живот, то наоборот втягивая его в себя. А я уже крутил ее во всех направлениях: то вверх — вниз, то вперед-назад, то кругами — вокруг треножника. Наконец, я почувствовал, что мучительная тяжесть в яйцах и пояснице готова разорвать меня и, насадив ее глубоко на себя, я дал волю застоявшемуся наслаждению, и она полилась из меня в нее. Когда я снимал ее с себя, то белая жидкость пролилась у нее на пол, и я удивился, что ее так много. Палка, на которую была привязана свеча, была до самого низа. А когда я снял мать с крюка, то на ее руках остались широкие красные кровоподтеки, а сама она, обессиленная, не могла стоять и опустилась на пол, и я поднял ее на руки и положил в кровать...»